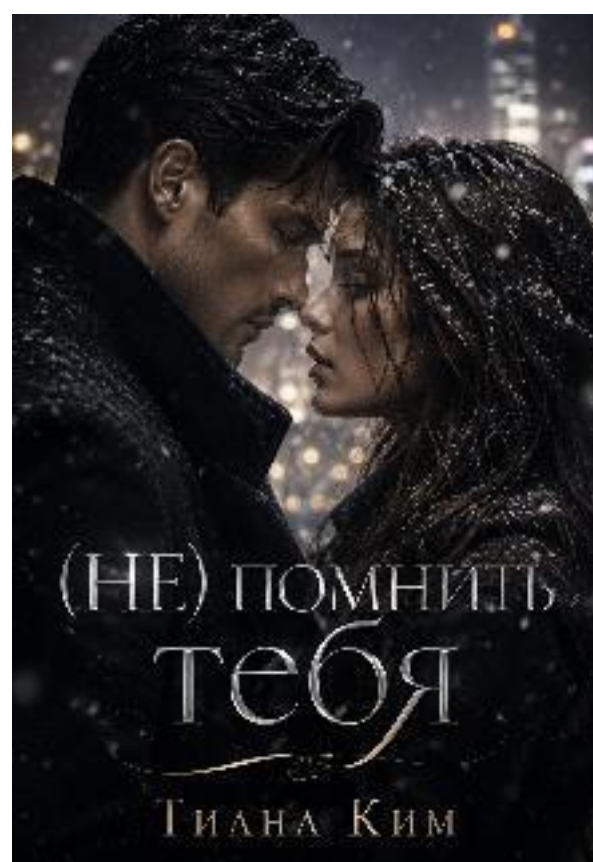

Тиана Ким
(не) помнить тебя

«Литнет»

2026

Ким Т.

(не) помнить тебя / Т. Ким — «Литнет», 2026

Он сказал: «Я разлюбил тебя» — и ушёл. Просто поставил факт, как печать на документе. Я месяц училась дышать заново. А потом получила приглашение на его новую свадьбу. Я пришла, чтобы поставить точку. Но невеста сбежала из-под венца. А он заметил меня в последнем ряду, подошёл и холодно бросил: «Свободное место — твоё». Я ушла, хлопнув дверью. А через три дня он приехал ко мне с контрактом: месяц брака для видимости, чтобы спасти его репутацию. Отдельные спальни. Никаких прикосновений. Гонорар, о котором я не могла мечтать. Я согласилась не ради денег. Я хотела увидеть его унижение. Но когда мы снова оказались под одной крышей, я поняла: забыть его невозможно. И, кажется, он тоже ничего не забыл. Один месяц. Один контракт. Одна любовь, которую мы пытались стереть из памяти.

© Ким Т., 2026

© Литнет, 2026

Содержание

Глава 1. Свадебный подарок	5
Глава 2. Контракт на ненависть	10
Глава 3. Чужая территория	15
Глава 4. Игра на публику	20
Глава 5. Утро после легенды	26
Глава 6. Трещина	31
Визуал к главе 7	36
Глава 7. Границы	37
Конец ознакомительного фрагмента.	42

Глава 1. Свадебный подарок

Приглашение я не получила. Его прислал мой бывший свидетель — видимо, из жалости или глупого желания «открыть мне глаза». Фотография в мессенджере грузилась долго, и я успела заметить, как дрожит мой палец над экраном.

Даниил и... она.

Высокая блондинка с лицом фарфоровой куклы, вся в белом, запрокинула голову в идеально поставленном смехе. Мой муж обнимал её за талию. Привычно. Плотно. Так же, как когда-то меня. Его пальцы лежали на её бедре с той собственнической небрежностью, от которой у меня когда-то перехватывало дыхание. Теперь от неё перехватывало горло — но совсем по другой причине.

Месяц. Прошёл всего месяц с тех пор, как судья равнодушным тоном объявил наш брак расторгнутым, а моя девичья фамилия снова стала моей. Месяц, как я училась дышать заново, сворачиваясь клубком в пустой постели и проклиная тот день, когда поверила в его «навсегда».

Я помнила тот вечер до мельчайших подробностей. Он вернулся с работы раньше обычного, встал в дверях гостиной и сказал всего три слова: «Я разлюбил тебя». Без объяснений. Без сожаления. Просто поставил факт, как печать на документе, и ушёл. А я осталась сидеть на диване, сжимая в руках чашку с остывшим чаем, и слушала, как затихает звук его шагов в коридоре. Потом — хлопок входной двери. И тишина. Оглушительная, сводящая с ума тишина, которая стала моим единственным собеседником на ближайший месяц.

Сегодня ровно тридцать первый день.

И у него новая свадьба.

Я должна была удалить фото, заблокировать отправителя и пойти заливать горе третьей чашкой какао. Так поступила бы разумная женщина. Женщина, которая хочет исцелиться. Разумная женщина взяла бы в руки фолиант XVI века, что ждал меня в мастерской — моё спасение, мою работу, моё единственное утешение. Обгоревшие страницы, которые нужно было воскрешать раствором папаина, наблюдая, как буквы проступают из небытия, словно признания, триста лет ждавшие своего часа. Разумная женщина предпочла бы общество мёртвых книг обществу живого предателя.

Но я, очевидно, не принадлежала к их числу.

Потому что я уже стояла перед шкафом, сдёргивая с вешалки то самое платье цвета марсала, которое он когда-то назвал «вызывающим». Глубокий винный оттенок, открытые плечи, разрез до бедра — я купила его два года назад, но так ни разу и не надела. Даниил считал, что его жена должна одеваться «статусно». Сдержанно. Закрыто. Чтобы ни один мужчина не посмел даже взглядом прикоснуться. Вызывающим? Прекрасно. Пусть подавится.

Я красила губы той самой помадой — тёмной, почти бордовой, — и не узнавала себя в зеркале. Из отражения смотрела чужая женщина с лихорадочным румянцем на щеках и глазами, в которых плескалась гремучая смесь боли, гнева и отчаянной решимости. Тёмно-каш-

тановые волосы, обычно собранные в небрежный пучок, я распустила, и они упали на плечи тяжёлой волной. Глаза цвета крепкого чая — усталые, но с золотыми искрами, которые всегда появлялись, когда я злилась. Сейчас они полыхали.

— Ты сумасшедшая, Алина, — сказала я своему отражению.

Отражение промолчало. Ему тоже было страшно.

ЗАГС сиял огнями, будто насмехаясь надо мной. Белоснежный особняк с колоннами и подсветкой, от которой болели глаза. Гостей — человек тридцать, не больше. Значит, камерная церемония «для своих». Для избранных. Тех, кто достоин присутствовать при рождении новой, счастливой семьи Волковых.

Я скользнула в задние ряды, стараясь быть незаметной. Сердце колотилось где-то в горле, пульс отдавался в висках. Зачем я здесь? Увидеть его счастливое лицо и поставить точку. Понять, что наш брак был лишь репетицией, черновиком для настоящей любви. Это должно было помочь. Выжечь остатки чувств. Так говорила моя психотерапевт, которую я посещала первые две недели после развода. «Вам нужно закрыть гештальт, Алина. Увидеть, что он счастлив, и отпустить». Она, конечно, не имела в виду явку на саму свадьбу, но я всегда всё делала по-своему.

Я надеялась, что, увидев его у алтаря с другой, смогу наконец поверить: всё кончено. Правда кончено. И, возможно, тогда я перестану просыпаться по ночам от его голоса, который всё ещё звучит в моей голове. «Я разлюбил тебя».

Орган заиграл Мендельсона. Торжественные, тягучие ноты заполнили зал, и гости начали подниматься. Я тоже встала, машинально, чувствуя себя актрисой в чужом спектакле. Сердце пропустило удар. Двери должны были распахнуться, являя невесту — белоснежное облако, фату, букет. Но вместо этого в проёме возникла запыхавшаяся женщина в строгом костюме — видимо, распорядительница.

Она подбежала к Даниилу и что-то зашептала ему на ухо, прикрывая рот ладонью. По рядам прокатилась волна недоумённого шёпота, лёгкая, как рябь на воде. Я видела только его профиль: каменное, заострившееся лицо, желваки, которые заходили на скулах. Ни тени сожаления, ни боли — только холодная, собранная ярость, от которой у меня когда-то стыла кровь в жилах.

— Внимание! — распорядительница хлопнула в ладоши, призывая к тишине. — К сожалению, церемония откладывается по независящим от нас обстоятельствам. Просим всех оставаться на местах.

Зал загудел громче. Даниил быстрым шагом направился к боковой двери, на ходу вынимая телефон. Он не смотрел по сторонам. Не искал никого взглядом. Идеальный хищник, у которого что-то пошло не по плану, но он уверен, что сейчас всё исправит.

Что там у них? Невеста потеряла туфельку? Или совесть? Я злорадно хмыкнула про себя. Крошечный, ядовитый росток удовлетворения. Значит, не только мне он ломал жизнь своей

холодностью. Значит, не только я оказалась недостаточно хороша для идеального Даниила Волкова.

Через десять минут всё было кончено. Гости загудели громче, и из этого гула я вычленила главное: невеста сбежала. Прямо из комнаты для новобрачных, оставив букет и записку. Волна жаркого, стыдного торжества захлестнула меня — и тут же отхлынула, оставив горечь. Я не хотела быть такой. Я не хотела радоваться чужому горю, даже если это горе моего бывшего мужа. Но ничего не могла с собой поделать.

Не знаю, что было в той записке, но, когда Даниил вернулся в зал, его лицо превратилось в ледяную маску. Он шёл к алтарю, к пустому месту, где должна была стоять его новая, идеальная жена, и не смотрел по сторонам. Гости расступались перед ним, как вода перед носом корабля. В этой тишине было что-то неестественное, почти ритуальное. Словно все мы присутствовали не при свадьбе, а при казни.

И вдруг наши взгляды встретились.

Случайно. Или нет.

Он замер. Всего на секунду, но я видела, как дрогнул кадык, как напряглась жилка на его шее — та самая, которую я когда-то целовала по утрам. Сердце пропустило удар. А потом ещё один. А потом он изменил траекторию.

Медленно, неумолимо он двинулся не к алтарю, а ко мне. В последний ряд. С каждым его шагом воздух накалялся, густел, становился вязким, как патока. Я вцепилась пальцами в сумочку, мечтая, чтобы взгляд мог испепелять. Ну же, Алина. Ты сильная. Ты справишься. Ты пережила его уход, переживёшь и эту минуту.

Он остановился в шаге. От него пахло терпким парфюмом — тем самым, что я когда-то подарила ему на годовщину, — и... бедой. Его холодные серые глаза смотрели прямо в душу, и в них плескалось что-то тёмное, незнакомое. Не ненависть. Скорее, злая, отчаянная решимость, которую я никогда раньше в нём не видела. Идеальный Даниил Волков всегда контролировал всё — себя, эмоции, окружающих. А сейчас передо мной стоял человек, у которого земля ушла из-под ног, но падать он не собирался.

— Довольна? — его голос, низкий и хриплый, резанул по натянутым нервам. В нём не было холода — только что-то тёмное, опасное, на грани срыва.

Зал затих, обратившись в слух. Тридцать пар глаз впились в мой затылок.

Я вскинула подбородок. Внутри всё дрожало, рвалось, кричало, но голос, когда я заговорила, звучал ровно. Почти скучающе.

— Чему радоваться? Тому, что твоей пустышке хватило ума сбежать до брачной ночи?

Он усмехнулся криво и страшно. Уголок рта дёрнулся, и я вспомнила эту усмешку — так он улыбался, когда загонял в угол деловых партнёров. Но сейчас эта усмешка была направлена не на меня. Скорее, на судьбу, которая в очередной раз спутала его карты.

— Радуйся. Свободное место — твоё, — произнёс он тихо, но в мёртвой тишине услышал каждый.

Кровь отлила от моего лица, а потом обожгла щёки стыдом и гневом. В висках застучало. Я открыла рот, чтобы ответить — чтобы выплеснуть ему в лицо всё, что кипело внутри, все эти месяцы боли и унижения, все бессонные ночи и выплаканные слёзы, — но он уже отвернулся.

— Догоняй, — бросил он через плечо, и в его голосе мне почудилась странная, надломленная интонация. — Или вечно будешь стоять в последнем ряду.

И пошёл к алтарю. Один. Под изумлённый шёпот гостей, под перекрёстным огнём взглядов. Высокий, прямой, с гордо поднятой головой. Человек, который только что потерял невесту, но не потерял лица. И он оставлял меня с выбором, который был хуже любой пытки.

В висках стучало.

Он серьёзно? Серьёзно?! После всего, что было, после месяца молчания, после трёх слов, которые сломали меня, — он предлагает мне снова встать рядом с ним? Как запасной вариант? Как затычку на место сбежавшей невесты?

Я смотрела на его широкую спину, обтянутую дорогим костюмом, и ненавидела. Ненавидела его походку, его осанку, его уверенность в том, что мир по-прежнему вертится вокруг него. Ненавидела себя за то, что пришла сюда. Ненавидела своё сердце, которое колотилось как бешеное вовсе не от гнева.

Гости перешёптывались. Кто-то узнал меня — я видела, как округлились глаза женщины с переднего ряда, той самой, что когда-то была на нашем банкете. Распорядительница застыла с открытым ртом, не зная, как реагировать на этот спектакль. А Даниил ждал. Стоял у алтаря и ждал, глядя прямо перед собой.

Пять секунд.

Десять.

Тишина в зале стала такой плотной, что, казалось, её можно резать ножом.

Я развернулась и пошла к выходу. Каждый шаг давался с трудом, словно пол под ногами превратился в зыбучий песок. Я шла, чувствуя спиной его взгляд — тяжёлый, прожигающий насквозь, — и мечтала только об одном: дойти до двери. Дойти до двери и не расплакаться.

Я дошла. Дверь хлопнула за спиной, отрезая меня от зала, от гостей, от Даниила, от всего этого безумия. Прохладный вечерний воздух ударил в лицо, и я вдохнула его полной грудью, чувствуя, как по щекам всё-таки текут слёзы. Злые, горячие, долго сдерживаемые.

В машине меня накрыло. Я била ладонями по рулю, захлёбываясь рыданиями и проклятиями, пока костяшки не покраснели. Сигнализация взвизгнула, и этот звук отрезвил меня, вернул в реальность. Я замерла, глядя в тёмное небо за лобовым стеклом, и медленно, слово за словом, произнесла вслух:

— Никогда. Слышишь, Даниил Волков? Никогда я больше не буду стоять в твоём последнем ряду.

Я завела мотор и уехала, не оглядываясь.

Как оказалось, ненадолго. Он приехал сам. Через три дня. В мою мастерскую. С контрактом.

Глава 2. Контракт на ненависть

Три дня. Семьдесят два часа. Четыре тысячи триста двадцать минут — я считала каждую, потому что время вдруг перестало быть просто временем. Оно превратилось в вязкий кисель, в котором я барахталась, пытаюсь выплыть, но только погружалась глубже.

Первый день я провела в постели. Просто лежала, свернувшись калачиком, и смотрела на стену, где когда-то висела наша общая фотография. Теперь там остался только прямоугольник более светлых обоев — безмолвное напоминание о том, что я собственноручно сорвала рамку в тот вечер, когда он ушёл. Даже гвоздик не вытащила. Пусть будет. Как памятник.

На второй день я заставила себя встать. Открыла окна, впустила воздух, сварила кофе. Крепкий, чёрный, без сахара — такой, какой он никогда не любил. Я делала всё то, что он не любил. Слушала джаз вместо его классики, заваривала зелёный чай вместо его чёрного, сидела на подоконнике, подобрав ноги, — он всегда говорил, что это «неэстетично». Маленькие, жалкие акты свободы. Каждый из них приносил крохотное, горьковатое удовлетворение.

Я повторяла как мантру: «Он тебя не сломал. Ты всё ещё целая. Ты Алина Северова, и ты больше никогда не станешь Волковой».

На третий день я поехала в мастерскую.

Это было моё место. Моя крепость. Подвальное помещение в старом доме на Петроградской, с низкими сводчатыми потолками и запахом старых книг, въевшимся в деревянные балки. Здесь пахло временем — пылью, кожаными переплётами, папином и сладковатым клеем. Этот запах я любила с детства, когда бабушка впервые привела меня в библиотеку и сказала: «Смотри, Алина. Книжки болеют и умирают, как люди. И им тоже нужны врачи».

Особенно я любила воскрешать обгоревшие книги.

Фолиант XVI века покоился на моём рабочем столе — вернее, то, что от него осталось. «Трактат о звёздах и камнях» неизвестного монаха-бенедиктинца. Триста лет назад в монастыре случился пожар, и книга чудом уцелела, но страницы обуглились, покрылись чёрной коркой, стали хрупкими, как крылья мёртвой бабочки. Библиотека РАН передала её мне три месяца назад в надежде, что я смогу извлечь текст.

Я уже могла. Раствор папины размягчал обугленный слой, и под ним, словно проступающие из небытия признания, появлялись буквы — угловатая латынь, старательные чернильные линии, которые вёл человек, давно превратившийся в прах. «Lux in tenebris lucet» — «Свет во тьме светит». Это была первая фраза, которую я восстановила. Я запомнила её наизусть. Мне казалось, она про меня.

Работа успокаивала. Когда я держала в руках пинцет, снимая микроскопические слои гари, мир сужался до размеров страницы. В этом мире не было Даниила Волкова. Не было свадьбы. Не было унижения. Только я и буквы, которые ждали своего часа три столетия.

Дверной колокольчик звякнул.

Я не обернулась. Мало ли кто мог зайти — коллега из библиотеки, курьер с реактивами, соседка сверху с вечной жалобой на запах ацетона.

— Закрыто. Приходите завтра, — бросила я через плечо, не отрываясь от работы. Пинцет в моих пальцах замер над особенно тёмным участком страницы.

Шаги. Тяжёлые. Уверенные. Я узнала их прежде, чем он заговорил. Моё тело узнало их — по тому, как напряглись плечи, как перехватило дыхание, как сердце пропустило удар и забилося где-то в горле.

— У тебя мило, — сказал Даниил. — Раньше я здесь не был.

Я медленно положила пинцет на стол. Так медленно, словно от этого движения зависела чья-то жизнь. Возможно, его.

— Раньше тебя это не интересовало.

Я обернулась.

Он стоял в дверях и выглядел... плохо. Я бы солгала, если бы сказала иначе. Идеальный костюм сидел как влитой, серый, в тонкую полоску, рубашка без единой складки, запонки поблёскивают в полумраке. Но лицо — лицо выдавало его с головой. Тёмные круги под глазами. Заострившиеся скулы. Лёгкая щетина, которую он никогда не позволял себе раньше. И морщина между бровей — глубокая, словно прорезанная ножом.

Он не спал. Три дня не спал. Я понимала это с пугающей отчётливостью, потому что сама когда-то знала каждую чёрточку этого лица. Знала, как оно выглядит после бессонной ночи, после удачной сделки, после...

Я оборвала мысль. Не смей, Алина.

— Зачем ты пришёл?

Он не ответил сразу. Вместо этого прошёл в мастерскую — без спроса, как всегда, — и остановился у моего стола. Взял в руки маленький флакон с папайном, покрутил, поставил обратно. Его пальцы двигались нервно, и это было так непохоже на прежнего Даниила, что я на мгновение растерялась.

— Ты не должна была там быть, — сказал он глухо, глядя на фолиант. — На свадьбе.

— Я много чего не должна была. Например, верить тебе.

Он поморщился, как от пощёчины. Поднял глаза. Серые, холодные, но на дне их плескалось что-то, чему я не могла подобрать названия. Не раскаяние. Нет. Скорее — затравленность.

— Невесту звали Карина. Она дочь моего партнёра. Сделка по слиянию активов была завязана на этот брак. — Он говорил быстро, сухо, словно зачитывал отчёт. — Теперь сделки нет. Партнёр в ярости. Инвесторы сворачивают контракты. Через неделю совет директоров вынесет мне вотум недоверия, и я потеряю компанию. Всё, что строил восемь лет.

Я молчала. Он пришёл жаловаться? Мне? После того, как вышвырнул меня из своей жизни одной фразой?

— Зачем ты рассказываешь это мне?

Он сунул руку во внутренний карман пиджака и вытащил тонкую чёрную папку. Положил на стол, рядом с моим фолиантом, словно это был обычный документ, а не бомба. Папка легла на страницу с «Lux in tenebris lucet», и я почувствовала укол раздражения. Он закрыл буквы. Закрыл свет.

— Потому что у меня есть предложение.

Я открыла папку.

Контракт. Десять страниц, отпечатанных на белоснежной бумаге, с логотипом его компании в верхнем углу. Пункты, подпункты, юридические формулировки, от которых рябило в глазах. Я начала читать, и с каждой строкой мои брови поднимались всё выше, а сердце стучало всё громче.

Бракосочетание. Срок — один календарный месяц. Совместное проживание. Публичные мероприятия. И в конце — сумма. Такая, что у меня перехватило дыхание.

— Ты с ума сошёл.

— Нет. Я мыслю рационально. — Его голос звучал ровно, как метроном. — Ты получаешь гонорар, достаточный для открытия собственной мастерской. Я получаю публичное примирение и восстанавливаю репутацию. Инвесторы успокаиваются, совет директоров замораживает вопрос, сделка с Кариной аннулируется, потому что я возвращаюсь к тебе. Все думают, что это была любовь с первого взгляда, просто временно пошатнувшаяся.

Я расхохоталась. Это был невесёлый, лающий смех, полный всего того, что я копила этот месяц.

— Любовь с первого взгляда? Временно пошатнувшаяся? Ты сказал мне: «Я разлюбил тебя». Три слова, Даниил. Ты раздавил меня тремя словами, а теперь предлагаешь сыграть счастливую жену?

— Я знаю, что виноват. — Он шагнул ко мне, и я инстинктивно отступила, вжавшись спиной в край стола. — Но у меня нет другого выхода. Ты — единственная, кто может это сделать. Единственная, кому поверят именно потому, что наш развод был громким.

— Поверят? — Я смотрела на него во все глаза. — А как же чувства? Как же то, что ты вытоптал мою душу и ушёл, даже не обернувшись? Ты вообще думал обо мне, когда придумывал этот план?

Он молчал. И это молчание было хуже любых слов.

Я перевела взгляд на контракт. Перевернула страницу. Пункт седьмой: «Стороны обязуются соблюдать условия конфиденциальности». Пункт девятый: «Физическая близость осуществляется исключительно по обоюдному согласию». Значит, он подумал и об этом. Заранее предусмотрел. Холодный, расчётливый ублюдок.

— Допустим, — сказала я медленно, всё ещё глядя в бумаги. Внутри меня боролись два голоса. Один кричал: «Вышвырни его вон!» Второй — тише, предательски — шептал: «Ты можешь увидеть его унижение. Ты можешь выйти победительницей». — Допустим, я на это пойду. Но у меня есть условия.

— Слушаю. — Он замер, и в его глазах мелькнуло что-то похожее на надежду. Или голод.

— Первое. — Я подняла на него взгляд. — Никаких прикосновений без моего явного разрешения. Ни на публике, ни дома. Ты не целуешь меня, не берёшь за руку, не кладёшь ладонь на талию. Если мне понадобится изобразить нежность, я сама это сделаю.

Он кивнул. Желваки заходили на скулах, но он кивнул.

— Второе. Отдельные спальни. Ты — в гостевой. Я — в хозяйскую. И ты неходишь без стука.

Ещё один кивок.

— Третье. Через месяц мы подаём на окончательный развод. И на этот раз ты не тянешь с документами, не исчезаешь, не придумываешь бюрократических проволочек. Ты подписываешь всё, что я дам, и мы расходимся навсегда.

— Согласен.

— Четвёртое. — Я сделала паузу. Это был самый важный пункт, и я хотела, чтобы он прочувствовал его до дна. — Публичное признание. На камеру. Ты скажешь, что наш развод был твоей ошибкой. Что ты изменил мне. Что я — невинная сторона. Что твоя холодность разрушила наш брак. И это видео будет опубликовано.

Вот теперь он замер. По-настоящему замер, глядя на меня так, словно впервые увидел. В его серых глазах что-то дрогнуло, сломалось, и на мгновение я увидела того Даниила, которого полюбила когда-то. Того, кто смотрел на меня через столик в кафе и говорил: «Ты самая удивительная женщина, которую я встречал». Того, кто держал моё лицо в ладонях и целовал в лоб, когда мне было страшно.

Но наваждение исчезло так же быстро, как появилось.

— Это разрушит мою репутацию, — сказал он тихо.

— А ты думал, я буду играть в эту игру бесплатно? — Я улыбнулась, и улыбка вышла недобрая. — Ты хочешь вернуть всё на свои условия. Но теперь условия ставлю я.

Долгая пауза. Он смотрел на меня, я — на него. Между нами лежал контракт, обгоревший фолиант и месяц боли, который никуда не делся.

— Хорошо, — сказал он наконец. — Я согласен на все условия.

Я взяла ручку. Моя рука не дрожала — я слишком долго ждала этого момента, чтобы дрожать сейчас. Красивым, разборчивым почерком я вписала свои условия на полях контракта и поставила подпись.

Он подписал следом. Его подпись была такой же, как он сам, — резкой, уверенной, с жёстким росчерком в конце.

— Когда? — спросила я, закрывая папку.

— Церемония через три дня. В том же ЗАГСе. Я пришлю машину.

— Не нужно. Я приеду сама.

Он кивнул, развернулся и пошёл к двери. У самого выхода остановился, взялся за ручку и сказал, не оборачиваясь:

— Я действительно разлюбил тебя, Алина.

Сердце пропустило удар. Я думала, что после всего это не сможет меня задеть. Ошиблась.

— Тогда зачем тебе всё это? — Мой голос предательски дрогнул. — Зачем возвращать меня, если ты меня не любишь?

Он обернулся. Его глаза были такими тёмными, что серый цвет казался чёрным. И в них стояло что-то, от чего у меня перехватило горло.

— Потому что без тебя я не могу дышать, — сказал он. — И это не имеет никакого отношения к любви.

Дверь закрылась. Колокольчик звякнул. Я осталась одна, сжимая в руках чёрную папку, и буквы на странице фолианта расплывались перед глазами.

«Lux in tenebris lucet».

Свет во тьме светит.

Но что делать, если свет и тьма — одно и то же?

Глава 3. Чужая территория

Я переехала в четверг.

Четверг всегда был моим днём. В четверг мы когда-то познакомились — в университетской библиотеке, где я реставрировала дипломную работу какого-то профессора, а он искал книгу по корпоративному праву и ошибся залом. В четверг он сделал мне предложение — опустился на одно колено прямо на набережной Невы, под дождём, и сказал: «Я не обещаю тебе вечность, но обещаю, что каждый день будет стоить того». В четверг же он ушёл.

И теперь, в четверг, я стояла на пороге его дома — нашего бывшего дома, — сжимая в руке чемодан, и думала о том, что судьба, кажется, питает ко мне особое, извращённое чувство юмора.

Дом не изменился. Тот же трёхэтажный особняк в тихом переулке, облицованный серым камнем, с огромными окнами и кованой решёткой балкона, на котором я когда-то пила кофе по утрам. Те же туи вдоль дорожки. Тот же кодовый замок на воротах — я набрала старый пароль машинально, пальцы помнили.

Дверь открылась прежде, чем я успела нажать на звонок.

Он стоял на пороге — в чёрной водолазке и домашних брюках, без пиджака, без маски успешного бизнесмена. Просто Даниил. Уставший, колючий, с тёмной щетиной, которая за три дня превратилась почти в бороду. Он выглядел так, словно не спал всё это время. И, возможно, так оно и было.

— Ты пунктуальна, — сказал он вместо приветствия.

— Ты тоже.

Мы смотрели друг на друга, как два шахматиста перед партией. Белые и чёрные. Кто сделает первый ход?

— Проходи. — Он посторонился. — Твои вещи уже в спальне.

Я вошла.

Запах ударил в нос сразу — терпкий, древесный, с нотками бергамота. Запах его парфюма, который въелся в стены, в шторы, в каждую чёртову молекулу воздуха. Я дышала им три года, а потом ещё месяц задыхалась без него. И вот теперь он снова обволакивал меня, как призрак прежней жизни.

Холл встретил меня знакомым полумраком. Та же хрустальная люстра, которую мы выбрали вместе в антикварном магазине на Невском. Тот же паркет, выложенный ёлочкой, — я помнила, как ругалась с мастерами, чтобы положили именно так, а не «как все». Те же картины на стенах — абстракции в серых тонах, которые он так любил, а я ненавидела.

— Мог бы хоть ремонт сделать, — сказала я, ставя чемодан. — Всё напоминает о прошлом.

— Я не хотел, чтобы прошлое исчезало.

Я резко обернулась. Он стоял в двух шагах, засунув руки в карманы, и смотрел на меня тем самым взглядом, который я так и не научилась расшифровывать. Что в нём? Сожаление? Или просто усталость?

— Гостевая спальня на втором этаже, — сказал он, отводя взгляд. — Ты можешь занять хозяйскую, как и договаривались.

— Нет.

— Что — нет?

— Хозяйская спальня — это наша бывшая спальня. Там наша... там кровать. — Я запнулась, ненавидя себя за эту запинку. — Я не хочу там спать. Я займу гостевую.

Он нахмурился. Видимо, не ожидал. В его картине мира я должна была вцепиться в хозяйскую спальню как в символ власти, как в военный трофей. Но я не хотела спать в комнате, где каждый угол кричал о том, что мы потеряли. Где на подоконнике до сих пор, возможно, лежала моя забытая заколка. Где я знала каждую трещинку на потолке, потому что любила разглядывать их по утрам, когда он ещё спал рядом.

— Как хочешь, — сказал он после паузы.

Я взяла чемодан и пошла наверх.

Гостевая спальня была именно такой, какой я её запомнила: бежевые стены, широкая кровать с белоснежным бельём, минималистичный шкаф и туалетный столик, на котором никто никогда не сидел. Здесь не было наших воспоминаний. Здесь было стерильно, как в отеле. Здесь я могла дышать.

Я распаковала вещи. Развесила одежду в шкафу, поставила на тумбочку флакон с папином — смешно, но я взяла его с собой, как талисман. Как напоминание о том, что даже обугленные страницы можно прочесть заново. Затем достала из чемодана книгу — мой фолиант, который я не решилась оставить в мастерской. Слишком ценен. И слишком нужен мне сейчас.

«Lux in tenebris lucet».

Я провела пальцами по восстановленной странице. Монах писал эти слова триста лет назад, сидя в келье, при свете свечи. Думал ли он, что его рукопись переживёт пожар? Думал ли он, что через три века какая-то женщина будет читать его слова и находить в них утешение?

— Алина.

Голос Даниила раздался из-за двери. Я вздрогнула.

— Что?

— Ужин через десять минут.

Я не ответила. Шаги удалились по коридору — тяжёлые, медленные. Он не ждал моего ответа. Просто поставил перед фактом, как всегда.

Ужин. Первый ужин в этом доме за месяц. Я помнила наши ужины — долгие, молчаливые, за большим дубовым столом, который он купил на аукционе и ужасно гордился. Я сидела на одном конце, он — на другом, и между нами были метры полированного дерева и годы невысказанных обид.

Что ж. Пора.

Столовая встретила меня запахом жареного мяса и свежих овощей. Даниил стоял у плиты, помешивая что-то в сотейнике. Я замерла на пороге.

— Ты готовишь?

— А кто, по-твоему? — Он даже не обернулся. — Ты же не думала, что я нанял повара, чтобы он докладывал прессе о том, как мы живём?

Я не думала. Я вообще не думала, что он умеет готовить. За три года брака он ни разу не подошёл к плите. «На это есть персонал», — говорил он, и я кивала, хотя мне всегда хотелось, чтобы он хотя бы раз приготовил мне яичницу. Просто так. Просто чтобы почувствовать, что я важнее принципов.

— Садись. — Он кивнул на стол.

Я села. Стол был сервирован на две персоны, но приборы стояли не на разных концах, как раньше, а рядом. Почти вплотную. Тарелки, бокалы, салфетки — всё так, словно мы были парой, которая ужинает не из чувства долга, а потому что хочет быть вместе.

— Это обязательно? — спросила я, глядя на соседний прибор.

— Что именно?

— Эта близость. Мы же одни. Никто нас не видит. Зачем этот спектакль?

Он поставил сотейник на подставку и повернулся ко мне. Лицо его было непроницаемым, но я заметила, как снова дёрнулся кадык.

— Может быть, я хочу попробовать по-другому. Может быть, я хочу научиться ужинать с тобой, а не напротив тебя.

Я не нашлась с ответом. Просто смотрела, как он раскладывает еду по тарелкам, и пыталась понять, в какой момент реальность свернула не туда. Это был не тот Даниил, которого я

знала. Тот Даниил не говорил таких вещей. Он не признавал ошибок. Он не пытался что-то исправить. Он просто молча разрушал, а я молча собирала осколки.

Мы ели молча. Мясо было вкусным — сочным, с розмарином и каким-то сложным соусом, который он явно готовил по рецепту. Я жевала и думала о том, что это, наверное, первый раз, когда я не могу упрекнуть его ни в чём. И от этого становилось ещё страшнее.

— В пятницу приём, — сказал он, когда тарелки опустели. — Благотворительный вечер в «Астории». Нам нужно быть там вместе.

Я кивнула. Приём — это первое публичное появление. Первое испытание. Мы должны убедить всех, что наше воссоединение — это не сделка, а любовь. Та самая, которая побеждает всё.

— Я напомним условия, — сказала я. — Никаких прикосновений.

— Я помню, — ответил он. — Но ты тоже должна помнить: там будут журналисты. И они будут смотреть на нас. Придётся хотя бы держаться за руки.

— Я подумаю.

Он усмехнулся уголком губ.

— Ты изменилась, Алина. Раньше ты не умела отказывать.

— Раньше я любила тебя.

Тишина упала между нами, как топор. Звякнула вилка, выпущенная из его пальцев, и я поняла, что перешла какую-то невидимую границу. Упомянула то, что нельзя упоминать. Любовь. Слово, которое когда-то было нашим воздухом, а теперь стало оружием.

— Спокойной ночи, — сказала я, поднимаясь из-за стола. — Спасибо за ужин.

Я ушла, чувствуя его взгляд на своей спине. Он прожигал меня насквозь, как тогда, в ЗАГСе, когда я уходила. И так же, как тогда, я не обернулась.

Поднялась в спальню и пошла в душ.

Вода была обжигающе горячей — такой, что кожа краснела. Я стояла под струями, закрыв глаза, и пыталась смыть с себя этот вечер. Его голос. Его взгляд. Его слова: «Я хочу научиться ужинать с тобой».

Что это было? Часть игры? Попытка манипуляции? Или — страшно подумать — искренность?

Я выключила воду и завернулась в полотенце. Открыла дверь ванной — и замерла.

На моей кровати лежал плед. Тот самый — клетчатый, шерстяной, который я купила три года назад на блошином рынке в Стокгольме. Я помнила, как мы гуляли там вдвоём — это

была наша единственная совместная поездка. Я тогда смеялась, что эта вещь не вписывается в его минималистский интерьер, а он ответил: «Зато вписываешься ты».

Плед исчез после развода. Я думала, он его выбросил. А он просто хранил его.

Я села на кровать и взяла плед в руки. От ткани пахло бергамотом. Его запахом. Словно он только что держал этот плед у лица.

В дверь постучали. Тихо, почти робко. Неужели он умеет стучать?

— Войдите, — сказала я, не узнавая собственный голос.

Дверь приоткрылась. Даниил стоял на пороге со стаканом воды в руке. Заметил плед в моих руках, и на секунду его лицо дрогнуло.

— Просто вода, — сказал он, ставя стакан на тумбочку. — На случай, если захочешь пить ночью.

И ушёл, не сказав больше ни слова.

Я осталась одна. В его доме. С его пледом. С его запахом на моих пальцах. И с мыслью, которая пульсировала в висках, как набат: это всего лишь месяц. Тридцать дней. Я выдержу.

Я лгала себе, и мы обе это знали.

Глава 4. Игра на публику

«Астория» сияла.

К парадному входу подъезжали чёрные автомобили, из них выплывали женщины в вечерних платьях и мужчины в смокингах. Свет хрустальных люстр дробился в бокалах с шампанским, смешивался с гулом голосов и звуками струнного квартета. Благотворительный вечер в пользу детских библиотек — ирония, от которой мне хотелось смеяться и плакать одновременно. Книги, которые я реставрировала, умирали в подвалах без финансирования, а здесь, в позолоченном зале, за них поднимали бокалы люди, которые ни разу не держали в руках ничего старше глянцевого журнала.

Но я здесь не ради книг.

Я здесь ради контракта.

Платье, которое прислал Даниил, висело на мне как вторая кожа. Тёмно-синий шёлк, открытая спина, минимум украшений — он всегда знал, что мне идёт. И я ненавидела его за это. Ненавидела, что он помнил мой размер, мой цвет, мой фасон. Ненавидела, что, глядя на себя в зеркало, я видела не Алину Северову — а ту женщину, которой он хотел меня видеть.

— Ты готова?

Я обернулась. Даниил стоял в дверях гостиной, и на мгновение я забыла, что нужно дышать.

Смокинг сидел на нём безупречно — чёрный, с атласными лацканами, под ним белоснежная рубашка и галстук-бабочка, завязанная идеально. Он всегда хорошо выглядел. Слишком хорошо. Но сегодня в нём было что-то ещё. Что-то, чего я не видела раньше. Собранность? Напряжение? Или просто я отвыкла смотреть на него без фильтра боли.

— Почти. — Я поправила серьгу и взяла клатч. — Как мы играем сегодня?

— Мы не играем. — Он подошёл ближе, и запах его парфюма обволок меня. Терпкий, знакомый, как старая рана, которая вдруг заныла. — Мы убеждаем их, что наш развод был ошибкой. Что мы любим друг друга.

— Этого не будет.

— Этого не будет по-настоящему. — Он смотрел мне в глаза, и в его зрачках плясали отблески люстры. — Но для них — будет. Ты сможешь?

— Смогу.

Я не была уверена. Но отступать было поздно.

Машина подвезла нас к самому входу. Даниил вышел первым, подал мне руку, и я приняла её с улыбкой — той самой, которую репетировала перед зеркалом два часа. Мягкая, сдержанная, с лёгким прищуром. Улыбка женщины, которая счастлива.

Вспышки камер ударили в глаза.

— Господин Волков! Алина! Сюда!

— Это правда, что вы снова вместе?

— Комментарий для прессы!

Я не успела опомниться, как Даниил притянул меня ближе. Его ладонь легла на мою талию — твёрдо, уверенно, собственнически. Тепло просочилось сквозь шёлк платья, и я вздрогнула. По условиям контракта он не имел права прикасаться ко мне без разрешения. Но это была публика. Это была игра.

— Улыбайся, — шепнул он едва слышно, наклоняясь к моему уху. Со стороны это выглядело как нежность. Я чувствовала его дыхание на своей коже и ненавидела то, как реагировало моё тело. Мурашки побежали по шее, предательские, неуправляемые.

— Руку убрал, — процедила я, не переставая улыбаться.

— Не могу. На нас смотрят.

— Тогда терпи.

— Что терпеть?

— То, что я тебя ненавижу.

Он усмехнулся — коротко, криво, почти болезненно. Но его ладонь осталась на моей талии.

Мы вошли в зал.

Благотворительный вечер катился своим чередом — шампанское, закуски, приветственные речи. Я ходила под руку с Даниилом, улыбалась незнакомым людям, кивала в ответ на поздравления. «Мы так рады, что вы снова вместе!» — «Настоящая любовь всегда побеждает!» — «Вы такая красивая пара». Штампы, пустые, как воздушные шары, — но они работали. Я видела, как расслабляются плечи его партнёров, как теплеют взгляды журналистов, как зал принимает нашу легенду и делает её правдой.

А потом я увидела её.

Карина.

Она стояла в другом конце зала, у колонны, и смотрела на нас. Высокая, платиновая блондинка с холодными голубыми глазами и улыбкой, в которой не было ничего живого. Та самая невеста, которая сбежала из-под венца. Та самая дочь партнёра, которую он должен был взять в жёны вместо меня.

— Твоя бывшая здесь, — сказала я одними губами.

— Вижу.

— И что будем делать?

— Ничего. Она не подойдёт.

Он ошибся.

Карина подошла. Медленно, грациозно, как змея, скользкая по паркету. Белое платье обтягивало её фигуру, бриллианты на шее стояли больше, чем моя мастерская со всем её содержимым. Она остановилась в двух шагах и окинула меня взглядом, в котором читалось всё: оценивала, сравнивала, выносила вердикт.

— Даниил. — Она улыбнулась ему, игнорируя меня. — Я смотрю, ты быстро нашёл замену.

— Это не замена, — сказал он ровно. — Это моя жена.

— Бывшая.

— Настоящая.

Слово ударило меня под дых. Настоящая. Я стояла рядом с ним, чувствуя, как его пальцы сжимаются на моей талии чуть крепче, и понимала: он защищает меня. Или нашу легенду. Или себя. Неважно. Главное — он не отступил.

— Что ж. — Карина перевела взгляд на меня, и её улыбка стала острее. — Поздравляю. Вы, должно быть, очень... гибкая женщина, Алина. Простить такое. Вернуться после того, как тебя вышвырнули.

Внутри меня что-то оборвалось. Не от боли — от ярости. Гибкая? Она смеет говорить мне о гибкости? Она, которая сбежала в день свадьбы, бросив его наедине с толпой и позором?

— Гибкость, — сказала я, и мой голос был спокойным, как ледяная вода, — это способность восстанавливать форму после деформации. Книги, знаете ли, тоже гнутся. Но всё равно остаются книгами. А некоторые — вообще пустые внутри.

Карина моргнула. Видимо, она не ожидала, что реставратор книг умеет разговаривать. Или что я вообще умею разговаривать.

Даниил кашлянул, скрывая усмешку. Я почувствовала, как его большой палец легко, почти незаметно погладил меня по пояснице. Успокаивая. Благодаря. Или просто давая понять: я рядом.

— Приятного вечера, Карина, — сказал он и увёл меня прочь.

Мы отошли к окну, подальше от чужих ушей. Я выдохнула и поняла, что всё это время не дышала.

— Спасибо, — сказал Даниил.

— За что?

— За «пустые внутри». Это было... впечатляюще.

— Я не ради тебя это сказала.

— Знаю. — Он повернулся ко мне, и свет от люстры упал на его лицо. Я снова увидела круги под глазами, морщину между бровей. — Поэтому и спасибо.

Мы замолчали. Вокруг нас гудел вечер — смех, звон бокалов, музыка. Но здесь, у окна, было тихо. словно мы стояли в центре урагана, где воздух неподвижен.

— Можно вопрос? — спросила я.

— Задавай.

— Почему она сбежала? Карина. Что было в той записке?

Он отвернулся к окну. За стеклом горели огни Исаакиевской площади, чёрная вода Мойки, россыпь фонарей. Я видела его отражение — застывшее, бледное, с плотно сжатыми губами.

— Это не имеет значения.

— Имеет. Если я играю твою жену, я должна знать, что происходит.

Он молчал. Долго. Так долго, что я решила: не ответит.

— Она написала, что спала с моим партнёром, — сказал он наконец. — Со своим отцом, если быть точным. Что всё это было спектаклем, чтобы отнять компанию. И что ей надоело притворяться.

Я стояла, не в силах вымолвить ни слова. Вся эта холодность — его собранность, его ярость в ЗАГСе, его предложение контракта — всё вдруг сложилось в одну картину. Его предал не только партнёр. Его предала женщина, на которой он почти женился. И он остался один — с разваливающейся компанией и репутацией, разбитой вдребезги.

— Поэтому ты пришёл ко мне? — спросила я тихо. — Потому что больше не к кому?

Он повернулся. Его серые глаза смотрели прямо в мои, и в них не было ни лжи, ни притворства.

— Я пришёл к тебе, — сказал он, — потому что ты единственная женщина, которую я не смог забыть. Даже когда пытался.

Музыка смолкла. Или мне показалось. Время застыло, как застывает вода перед тем, как превратиться в лёд.

Он стоял слишком близко. Его дыхание касалось моего лба, его рука всё ещё лежала на моей талии, и я не могла вспомнить, когда он успел вернуть её туда. Мы нарушали все пункты контракта. Мы стояли в центре зала, полного людей, и нарушали их один за другим.

— Ты не должен этого говорить, — прошептала я.

— Знаю.

— Ты не должен ко мне прикасаться.

— Знаю.

— Тогда почему?

Он наклонился — медленно, давая мне время отстраниться. Я не отстранилась. Его лоб коснулся моего лба. Глаза в глаза. Дыхание в дыхание.

— Потому что ты — единственное настоящее, что у меня было, — сказал он. — И я только сейчас это понял.

Где-то в стороне щёлкнул затвор камеры.

Я вздрогнула и отшатнулась. Вспышка. Ещё одна. Журналист с холёной улыбкой опустил камеру и показал большой палец: «Отличный кадр! Завтра будет на первой полосе».

— Вот и всё, — сказала я, поправляя платье. — Теперь они точно поверили.

— Я не играл, — сказал Даниил.

Я посмотрела на него — долгим, пристальным взглядом. Он не играл. И в этом была самая большая проблема.

— Поехали домой, — сказала я. — Вечер окончен.

В машине мы молчали. Город проплывал за окном — огни, мосты, Нева, чёрная и блестящая, как смокинг Даниила. Я смотрела на свои руки, сложенные на коленях, и думала о том, что этот месяц будет длиннее, чем вся моя жизнь.

Дома он проводил меня до двери гостевой спальни. Остановился, взялся за ручку, но не открыл.

— Алина.

— Что?

— Сегодня, в зале... Я не жалею, что сказал это.

Я закрыла глаза. Сосчитала до пяти. Открыла.

— Спокойной ночи, Даниил.

И закрыла дверь.

С той стороны слышался его голос — тихий, едва различимый сквозь дерево:

— Ты тоже меня ненавидишь. Но ты всё ещё здесь. И это даёт мне надежду.

Шаги. Тишина. Я прислонилась спиной к двери и сползла на пол, прижимая ладонь к губам.

Я тоже не жалела. И это было хуже всего.

Глава 5. Утро после легенды

Я проснулась от солнечного света, бьющего в незашторенное окно. В чужой постели. В чужом доме. С чужим чувством тревоги, которое поселилось где-то под сердцем и не уходило, сколько бы я ни убеждала себя, что всё под контролем.

Первым делом я посмотрела на телефон.

Десять пропущенных. Три от моей лучшей подруги Веры, два от коллеги из библиотеки, пять с незнакомых номеров. И сообщение в мессенджере — Вера скинула ссылку и подписала: «Это ты???»

Я открыла ссылку.

Первая полоса светской хроники. Фотография — та самая, сделанная вчера в «Астории». Мы с Даниилом стоим у окна, его лоб касается моего лба, вокруг нас — сияние люстр и тени гостей. Снимок вышел красивым, чёрт возьми. Слишком красивым. Словно фотограф поймал не игру, а момент настоящей близости. Момент, который не должен был существовать.

Заголовок гласил: «Развод отменяется: Даниил Волков и Алина Северова снова вместе. Эксклюзивные кадры страстного примирения».

— Страстного примирения, — прочитала я вслух. Мой голос в пустой комнате прозвучал глухо, как предсмертный стон.

Я открыла статью. Журналист расписывал нашу историю в лучших традициях жёлтой прессы: «тайный развод», «драма в ЗАГСе», «триумфальное возвращение первой жены». Карина упоминалась как «загадочная незнакомка, отказавшаяся от комментариев». Мне приписывали цитаты, которых я не говорила, и мотивы, о которых я не думала. «Алина призналась друзьям, что никогда не переставала любить Даниила». «Пара планирует вторую свадебную церемонию».

— Какая, к чёрту, свадебная церемония, — пробормотала я и отбросила одеяло.

Нужно было умыться, выпить кофе и подумать. А главное — позвонить Вере, пока она не разослала эту статью всем нашим общим знакомым. Я сунула ноги в тапочки, накинула халат и толкнула дверь спальни.

Даниил стоял в коридоре. С подносом в руках.

— Доброе утро, — сказал он.

Я замерла, переводя взгляд с его лица на поднос. Круассаны. Два. Масло в розетке. Джем в крохотной вазочке. Кофе — две чашки, одна с чёрным, другая, судя по цвету пенки, с молоком, как я любила. И роза. Одна-единственная чайная роза в узком стеклянном стаканчике. Бледно-розовая, с капельками воды на лепестках. Он помнил. Он, чёрт возьми, всё помнил — мой кофе, мои любимые круассаны из пекарни за углом, даже то, что я терпеть не могла большие помпезные букеты и предпочитала одну розу. Чайную. Всегда чайную.

— Это что? — Мой голос прозвучал более резко, чем я хотела.

— Завтрак. — Он стоял всё так же неподвижно.

— Я вижу, что завтрак. Зачем?

— Потому что мы теперь публичная пара. — Он обезоруживающе улыбнулся, и я заметила, что круги под его глазами стали светлее. Он спал. В отличие от меня. — И публичная пара завтракает вместе. Ты статью видела?

— Видела.

— Нас уже поздравили семь человек. Включая моего юриста, который сказал, что переговоры с инвесторами перенесены на понедельник. Они готовы подписать.

Я взяла с подноса чашку с кофе — ту, что с молоком. Сделала глоток. Идеально. Именно такая температура, как я любила. Не обжигающая, но горячая. Ублюдок.

— Ты понимаешь, что теперь отступать некуда? — спросила я. — Если мы проколемся, это будет скандал похуже развода. Нас просто сожрут.

— Понимаю. — Он поставил поднос на комод и взял свою чашку. — Поэтому я хочу предложить кое-что.

— Что?

— Давай попробуем перестать ненавидеть друг друга. Хотя бы на этот месяц.

Я смотрела на него поверх чашки. На его растрёпанные со сна волосы, на простую серую футболку вместо идеальной рубашки. Домашний, настоящий, почти тот Даниил, которого я полюбила когда-то. Или мне просто хотелось так думать.

— Ненависть — это всё, что у меня осталось, — сказала я. — Если я перестану тебя ненавидеть, мне придётся вспомнить, что я тебя любила. А это слишком больно.

Он сделал шаг ко мне. Медленно, как к раненому зверю.

— Я знаю, — сказал он. — Но, может быть, боль — это не повод останавливаться?

Я поставила чашку на поднос, избегая его взгляда. Если я посмотрю на него сейчас, я сломаюсь. А я не могла сломаться. Не сейчас. Не тогда, когда контракт ещё не выполнен, а моя свобода всё ещё пахнет типографской краской на десятой странице.

— Вера будет здесь через час, — сказала я, меняя тему. — Ты помнишь Веру?

— Твою подругу, которая называла меня «акулой в костюме»?

— Она самая. Она видела статью и требует объяснений. Я не смогу ей врать. Она слишком хорошо меня знает.

— Тогда не ври. — Он пожал плечами. — Скажи, что мы пытаемся начать сначала. Это почти правда.

— Это совсем не правда.

— Но мы действительно пытаемся. — Он посмотрел на меня долгим взглядом, и я снова увидела что-то на дне его серых глаз. Что-то, что он прятал. — Вчера, в «Астории»... Я не играл, Алина.

— Ты уже говорил.

— Я повторю столько раз, сколько нужно, чтобы ты поверила.

Я покачала головой и взяла круассан. Маслянистый, хрустящий, тёплый. Он привёз их из пекарни в семь утра, потому что знал, что я просыпаюсь рано. Потому что помнил. Дьявол кроется в деталях, и мой личный дьявол знал каждую из них.

— Ладно, — сказала я, откусывая круассан. — Давай попробуем не ненавидеть друг друга. Но если ты ещё раз скажешь, что не играл, я запущу в тебя этой розой.

— Договорились. — Он усмехнулся, поднял руки в примирительном жесте и отступил на шаг. — Тогда я оставлю тебя. Увидимся за ужином.

— Увидимся.

Он ушёл вниз по лестнице, а я стояла в коридоре с круассаном в одной руке и чашкой в другой, чувствуя, как внутри что-то трещит. Лёд, который я так старательно намораживала весь этот месяц, дал первую трещину.

Верить ему было нельзя. Но не верить становилось всё труднее.

Вера ворвалась ровно через час. Высокая, шумная, с рыжими кудрями, которые она никогда не могла приручить, и с таким выражением лица, словно она лично собиралась вершить правосудие. Она влетела в гостиную, швырнула сумку на диван и уставилась на меня.

— Ты с ума сошла.

— Привет, Вера.

— Нет, ты правда с ума сошла. — Она схватила меня за плечи, встряхнула и заглянула в глаза, как сканер. — Ты вернулась к нему. К человеку, который сказал «я разлюбил тебя» и ушёл. К человеку, из-за которого ты месяц не выходила из квартиры!

— Три недели, — поправила я. — На четвёртую я вышла.

— Это не смешно! — Она отпустила меня и начала ходить по комнате. — Я понимаю — контракт, сделка, деловые интересы. Но ты! Ты всегда говорила, что чувства важнее денег. А теперь ты продаёшь себя на месяц, чтобы спасти его компанию?

— Я не продаю себя. — Я села на диван, подобрала ноги. — Я выполняю условия контракта. Через месяц я свободна, с деньгами на мастерскую и с его публичным признанием в измене.

Вера замерла.

— Он согласился публично признать измену?

— Да.

— Он же... — Она замолчала, переваривая. — Это разрушит его репутацию.

— Знаю.

Она села рядом со мной, взяла мою руку и заглянула в глаза — теперь уже мягче, теплее.

— Алина. Что на самом деле происходит?

И я рассказала. Всё. Про ЗАГС, про сбежавшую Карину, про контракт, про вчерашний вечер, про его слова у окна. Вера слушала молча, не перебивая, только сжимала мою ладонь всё крепче. Когда я закончила, она выдохнула и откинулась на спинку дивана.

— Ну и дела.

— Вот такие дела.

— Он сказал, что не играл. Ты ему веришь?

Я посмотрела в окно. За стеклом ветер трепал ветки туй, и солнечные зайчики прыгали по паркету. Утро было прекрасным и совершенно не подходящим для таких разговоров.

— Не знаю, — сказала я. — Он принёс мне завтрак в постель. Круассаны. И чайную розу.

— Чайную розу?

— Чайную.

Вера присвистнула.

— Значит, всё серьёзно. Он никогда не делал этого раньше?

— Никогда. Раньше он даже кофе себе не варил.

Мы замолчали. Где-то наверху хлопнула дверь — наверное, Даниил ушёл в кабинет. Дом жил своей жизнью, и я была частью этой жизни, хотя ещё вчера думала, что никогда сюда не вернусь.

— Знаешь, что я скажу, — Вера повернулась ко мне, и в её глазах зажглась та самая искра, которая когда-то заставила нас подружиться. — Будь осторожна. Но не закрывайся. Может, он правда осознал, что потерял. Может, он правда хочет всё исправить.

— А может, это просто часть игры.

— Тогда ты узнаешь это. Рано или поздно. — Она обняла меня. — Но если он сделает тебе больно ещё раз, я лично приду и оторву ему что-нибудь важное.

Я рассмеялась. Впервые за долгое время смех был настоящим.

— Спасибо, Вера.

— Всегда. — Она чмокнула меня в щёку, подхватила сумку и направилась к двери. У порога обернулась. — Кстати, на фото ты выглядишь сногшибательно. Если это игра, ты в ней лучшая актриса.

Дверь закрылась. Я осталась одна. В доме моего бывшего мужа. С его розой на подносе. С его словами, которые всё ещё звучали в ушах: «Я не играл».

Я взяла телефон и открыла статью ещё раз. Фотография. Мы стоим у окна. Его лоб прижат к моему. Вспышка камеры застыла в наших глазах. Я вспомнила тот момент — его дыхание на моей коже, его голос: «Ты — единственное настоящее, что у меня было».

Что, если он правда не играл?

Я заблокировала телефон и пошла собираться. Впереди были выходные — два дня без приёмов, без журналистов, без спектаклей. Два дня только мы вдвоём. И это пугало больше, чем всё, что случилось до сих пор.

Потому что на публике я могла притворяться. А дома — дома придётся быть собой.

И я не была уверена, что готова к этому.

Глава 6. Трещина

Субботное утро началось с тишины.

Не той тишины, что бывает в пустой квартире — глухой, давящей, пропитанной одиночеством. А другой — живой, наполненной присутствием кого-то ещё. Я слышала, как на первом этаже работает кофемашина, как шуршат страницы — он читал, наверное, деловую прессу, — как скрипнула половица под его шагами. Дом дышал. Дом жил. И мы жили в нём вместе, хотя всё ещё по разные стороны невидимой стены.

Я лежала в постели, глядя в потолок, и тянула время. За окном завывал ветер — ноябрьский, промозглый, срывавший с веток последние бурые листья. Голые туи раскачивались под его порывами, небо было серым и низким, и в воздухе пахло скорым снегом. Снег в ноябре всегда пах особенно — сухо, колко, обещанием долгой зимы.

Выходить из-под одеяла не хотелось. Сталкиваться с ним — тоже. Но контракт не предусматривал опции «спрятаться в спальне на весь день».

Я встала, умылась, натянула тёплые домашние брюки и объёмный свитер крупной вязки — тот самый, который когда-то согревал меня в мастерской, пах растворителем и старыми книгами. Теперь он пах кондиционером для белья из этого дома. Чужим. Или уже нет?

Ступени лестницы были холодными — отопление ещё не работало на полную, и дом просыпался медленно, нехотя, словно тоже не хотел признавать, что мы здесь снова вместе. Я спустилась в гостиную, кутаясь в свитер.

Даниил сидел на диване. Не в кабинете, не в столовой за огромным дубовым столом, а именно в гостиной — с ноутбуком на коленях и чашкой кофе в руке. Камин горел. Настоящий, дровяной, который мы сложили три года назад по моей просьбе, — единственное, что я попросила при ремонте. Он тогда ворчал, что это непрактично и что современные биокамины удобнее, но сложил. И теперь в камине потрескивали берёзовые поленья, и оранжевые блики плясали на его лице.

Увидев меня, он поднял глаза. Никакой дежурной улыбки — просто взгляд. Внимательный. Тёплый.

— Доброе утро. Кофе на кухне. Круассанов сегодня нет — пекарня закрыта, там что-то с электричеством.

— Переживу.

Я прошла на кухню. Кофе был сварен — та же идеальная температура, та же пенка, та же щепотка корицы, которую я всегда добавляла. Моя любимая чашка с трещинкой на ободке стояла на подносе. Он помнил. Он всё помнил, и это раздражало ровно настолько же, насколько трогало.

Я вернулась в гостиную, села в кресло напротив дивана, поджала ноги и обхватила чашку ладонями. Тепло просачивалось сквозь керамику, согревало пальцы. За окном порыв ветра швырнул в стекло пригоршню сухих листьев.

— Какие планы на выходные? — спросила я нейтральным тоном.

— Никаких. — Он закрыл ноутбук, отложил его в сторону. — Ни приёмов, ни встреч, ни журналистов. Воскресенье будет такое же. Только ты и я.

— Звучит как название фильма ужасов.

Он усмехнулся.

— Я не кусаюсь, Алина.

— Раньше кусался.

Усмешка исчезла. Он посмотрел на меня серьёзно — так серьёзно, что пламя камина отразилось в его зрачках, и они на мгновение стали не серыми, а янтарными.

— Раньше я много чего делал неправильно.

Я не ответила. Просто пила кофе и смотрела на огонь. Дрова стреляли искрами. Ветер выл в дымоходе. За окнами был ноябрь — холодный, неуютный, безнадёжный. А здесь горел камин, пахло кофе и деревом, и мужчина напротив смотрел на меня так, словно я была единственной женщиной в мире. Слишком уютно. Слишком правильно. Слишком похоже на жизнь, которой у нас никогда не было.

— Можно тебя кое о чём спросить? — нарушила я молчание.

— Конечно.

— Когда ты сказал, что разлюбил меня... Это была правда?

Он замер. Я видела, как напряглись его плечи, как побелели костяшки пальцев, сжимавших чашку. Тишина стала такой плотной, что, казалось, её можно потрогать — шершавую, как неотшлифованное дерево.

— Нет, — сказал он наконец, и его голос был глухим. — Это была ложь.

— Тогда зачем? — Мой собственный голос предательски дрогнул, и я возненавидела себя за эту дрожь. — Зачем ты это сказал?

Он встал. Подошёл к камину, взял кочергу, поправил полено — просто чтобы чем-то занять руки. Я видела его профиль на фоне огня: острые скулы, плотно сжатые губы, желваки, которые ходили под кожей.

— Потому что я думал, что так будет лучше, — произнёс он, не оборачиваясь.

— Лучше для кого?

— Для тебя.

Я поставила чашку на столик. Руки дрожали, но я заставила себя говорить ровно.

— Объясни.

И он объяснил.

За полгода до развода у него начались проблемы. Не с бизнесом — с партнёром. Тем самым, отцом Карины, который давно хотел прибрать компанию к рукам. Сначала мелкие интриги, потом — шантаж, потом — прямые угрозы. Даниил не рассказывал мне. «Ты была единственным светлым пятном, — сказал он, всё ещё глядя в огонь. — Я не хотел, чтобы эта грязь тебя коснулась». А потом шантажисты подобралась слишком близко. К нашему дому. К моей мастерской. К машине, на которой я ездила на работу. И он испугался. Не за бизнес — за меня.

— Я подумал, что если исчезну из твоей жизни, ты будешь в безопасности. — Он говорил медленно, с трудом, словно каждое слово давалось ему с кровью. — Если ты будешь меня ненавидеть, ты не станешь меня искать. Не попадёшь под удар. И я сказал, что разлюбил. Думал — так ты отпустишь быстрее.

Я слушала и чувствовала, как внутри что-то рушится. Та картина, которую я выстраивала весь этот месяц — картина, где он был холодным, равнодушным предателем, — рассыпалась, как обугленная страница, когда её пытаются перевернуть слишком резко. Под чёрной коркой обнаружился текст. Не тот, что я ожидала. Совсем не тот.

— Ты мог сказать мне правду. — Мой голос звучал хрипло. — Я бы справилась. Я сильнее, чем ты думаешь.

— Я знаю, что ты сильная. — Он наконец повернулся, и я увидела в его серых глазах то, чего никогда раньше не видела. Страх. Настоящий, обнажённый, неприкрытый. — Но я не мог рисковать. Если бы с тобой что-то случилось... Я бы не пережил, Алина.

— А то, что я почти умерла от боли, когда ты ушёл? — Я встала, чувствуя, как гнев снова поднимается изнутри, горячий, почти ликующий. — Ты об этом подумал? О том, каково мне было слышать эти три слова? Ты сказал их так холодно — стоял в дверях, даже не разделся, не сел. «Я разлюбил тебя» — и ушёл. А я осталась сидеть с чашкой остывшего чая, не в силах пошевелиться! Месяц! Месяц я не могла есть, спать, работать! Я ходила к психотерапевту, потому что думала, что схожу с ума! Я считала дни, Даниил. Каждый чёртов день!

— Я не знал. — Он шагнул ко мне. — Я думал, ты быстро оправишься. Думал, что ты меня уже не любишь. Что наш брак стал для тебя привычкой, а не...

— А не чем?

— А не любовью.

Я замолчала. Ветер за окном взвыл громче, бросая в стекло уже не листья — мелкую ледяную крупу. Первый снег? Или просто замёрзший дождь? Я смотрела на Даниила — на его бледное лицо, на подрагивающие пальцы, на тёмные круги, которые никуда не делись за эти дни, — и не знала, что ответить.

— Я любила тебя, — сказала я. — Каждую минуту. Даже когда ты был холодным. Даже когда ты отдалялся, прятался в кабинете, уходил от разговоров. Я думала, это я что-то делаю не так. Я винила себя.

Он шагнул ближе. Медленно. Осторожно. Как к зверю, который может либо убежать, либо броситься.

— Ты всё делала правильно, — сказал он. — Это я всё испортил. Я думал, что защищаю тебя, а на самом деле просто струсил. Потому что боялся потерять. И в итоге потерял.

Он стоял теперь совсем близко. Его рука поднялась, замерла в воздухе в нескольких сантиметрах от моего лица. Я видела его пальцы — длинные, с тонкими линиями вен, те самые пальцы, которые когда-то держали моё лицо, гладили по щеке, заправляли прядь за ухо. От него пахло кофе и дымом камина, и мне хотелось шагнуть вперёд — сократить эти последние сантиметры и забыть обо всём. О контракте. О разводе. О боли. Просто уткнуться ему в плечо, как раньше, и дышать.

— Ты должен был мне верить, — сказала я, отступая.

— Знаю.

— Ты должен был говорить со мной.

— Знаю.

— Ты разрушил нас из-за того, что пытался спасти в одиночку.

Он закрыл глаза. Лицо его исказилось — на секунду, но я увидела. Мука. Самая настоящая.

— Я всё исправлю, — сказал он, открывая глаза. — Не знаю как, но исправлю. Я верну тебя, Алина. Не по контракту. По-настоящему. Если ты дашь мне шанс.

Я молчала. Гнев утихал, оставляя после себя только усталость. Огонь в камине трещал, и тени танцевали на стенах, и где-то в доме тихо тикали часы, отсчитывая секунды этого странного, невозможного утра.

— Мне нужно время, — сказала я.

— У тебя есть время. — Он убрал руку, отступил, и я почти пожалела, что он меня не коснулся. — У тебя есть сколько угодно времени, Алина. Я подожду.

Я кивнула и пошла наверх. В свою гостевую спальню. В своё убежище, где не было его запаха, его голоса, его глаз. Легла на кровать поверх покрывала и уставилась в потолок, слушая вой ноябрьского ветра.

«Я не играл».

«Я струсил».

«Я верну тебя».

В дверь постучали.

— Да?

— Это снова я. — Голос Даниила звучал приглушённо через дерево. — Я просто хотел сказать: обед будет через час. Ничего особенного — паста. Если хочешь, спускайся. Если нет — я оставлю порцию в холодильнике.

Пауза. Я слышала его дыхание.

— И ещё, Алина. Я рад, что ты здесь. Даже если ты меня ненавидишь. Просто рад.

Шаги удалились. Я закрыла лицо руками и тихо, почти беззвучно, застонала. Ну почему всё так сложно? Почему нельзя было просто разлюбить его — по-настоящему, окончательно, как он когда-то притворился? Почему моё сердце, пройдя через ад, всё ещё отзывалось на его голос, на его взгляд, на его «я рад, что ты здесь»?

Снежная крупа царапала стекло. В камине догорали дрова.

Свет во тьме светит.

Но что делать, если свет — это он, а я — та самая тьма?

Я пролежала до обеда, а потом всё-таки спустилась. Он ждал меня за столом. Паста действительно была ничего особенного — просто спагетти с томатным соусом и пармезаном, который я всегда любила. Но он приготовил её сам. И поставил тарелки рядом, а не на разных концах стола. И когда я села, он подвинул ко мне корзинку с хлебом — тёплым, хрустящим, только что из духовки.

— Ты печёшь хлеб? — спросила я, не скрывая удивления.

— Учусь. — Он чуть улыбнулся, и эта улыбка была робкой, почти мальчишеской. — За этот месяц много чему научился.

Мы ели молча. Ветер за окном стихал. И где-то глубоко внутри меня продолжал таять лёд, превращаясь в воду — солёную, тёплую, живую.

Визуал к главе 7

Глава 7. Границы

Воскресенье началось не с кофе, а с его голоса за дверью.

— Алина, там это... снег выпал.

Я открыла глаза. Снег? В ноябре он был редкостью — обычно слякоть, дождь со снегом, серое месиво под ногами. Но голос Даниила звучал почти по-мальчишески, с той интонацией, которую я не слышала с первых месяцев нашего брака. Словно он сам удивился и теперь звал меня посмотреть на чудо.

Я накинула халат поверх пижамы и подошла к окну.

Сад за ночь стал белым. Туи пригнулись под тяжестью снежных шапок, дорожка исчезла под ровным слоем белизны, и только птичьи следы крестиками пересекали газон. Снег всё ещё шёл — крупными, пушистыми хлопьями, которые кружились в воздухе медленно и беззвучно. Мир за окном стал похож на немое кино. Чёрно-белое. Замершее.

— Спускайся, — сказал он через дверь. — Я приготовлю какао.

Я хотела ответить что-то колкое, но передумала. Слишком хорошее было утро. Слишком белый снег. Слишком тихий дом.

— Давай.

Через пятнадцать минут я спустилась в гостиную. Камин снова горел. На журнальном столике стояли две высокие кружки с какао — в моей, я знала, будет корица и маршмэллоу, в его — ничего лишнего, только сам напиток. Он сидел на диване, укрытый пледом, и смотрел на огонь. Тот самый клетчатый плед из Стокгольма, который он положил на мою кровать в первый вечер. Теперь он был здесь, на диване, словно перекочевал из моей комнаты в общее пространство. Мостик между нашими мирами.

Я села рядом, но не слишком близко. Взяла кружку, сделала глоток. Какао было обжигающим, густым, идеальным. Корица. Маршмэллоу. Всё как я любила.

— Когда ты научился варить какао? — спросила я.

— На этой неделе. По видеоуроку.

Я чуть не поперхнулась.

— Ты смотрел видеоурок? Ты? Даниил Волков, который считает, что решать проблемы нужно с помощью юристов и финансовых аналитиков?

— Люди меняются, — сказал он, не поворачивая головы. — Или хотя бы пытаются.

Мы замолчали. Снег за окном всё падал, крупный и мягкий. Дрова в камине потрескивали. Плед свисал с дивана, и его край касался моего бедра. Я не отёрнулась.

— Знаешь, что самое странное? — сказала я, глядя в кружку. — Если бы ты делал всё это два года назад, мы бы никогда не развелись.

— Если бы я делал это два года назад, ты бы не поверила.

Я подняла на него глаза. Он смотрел на меня. Серьёзно, без улыбки, без попытки сгладить слова. Просто констатировал факт.

— Ты прав, — сказала я. — Не поверила бы. Потому что привыкла, что ты не делаешь.

— А теперь?

— А теперь я не знаю, чему верить.

Он кивнул и снова уставился в камин. Его профиль на фоне огня был резким, словно вырезанным из тёмного дерева. Я смотрела на него украдкой и думала о том, как странно устроена жизнь. Мы прожили вместе три года, но только сейчас, в этом фальшивом браке по контракту, он впервые начал делать то, о чём я просила всегда. Готовить. Разговаривать. Смотреть на меня не как на функцию, а как на человека.

Неужели нужно было потерять всё, чтобы начать?

— Сегодня воскресенье, — сказал он. — Никаких приёмов. Никаких звонков. Я отключил телефон.

— Совсем?

— Совсем.

Я недоверчиво прищурилась. Даниил Волков, который отвечал на звонки даже в наш медовый месяц, отключил телефон в воскресенье? Мир сошёл с ума.

— И чем ты предлагаешь заняться?

— У меня есть идея. — Он повернулся ко мне, и в его глазах заплескали искры. — Но тебе понадобится пальто.

Через полчаса мы стояли в саду.

Снег всё ещё шёл. Я закуталась в самое тёплое пальто, намотала шарф до самого носа и натянула варежки, которые нашла в кармане — старые, связанные мной три года назад, которые каким-то чудом сохранились в прихожей. Даниил был в чёрном пальто, без шапки, и снежинки запутывались в его тёмных волосах.

— Что мы делаем? — спросила я.

— Снеговика.

— Что?

— Снеговика, Алина. Ты и я. Сейчас. — Он наклонился, зачерпнул пригоршню снега и начал лепить ком. — Ты говорила, что в детстве это была твоя любимая зимняя забава. А мы за три года ни разу не лепили снеговика.

Я стояла и смотрела, как успешный бизнесмен, владелец компании с оборотом в миллиарды, катает по газону снежный шар, и его брендовое пальто покрывается белыми разводами. Это было так нелепо, так неправильно, так... трогательно, что я рассмеялась.

— Ты сумасшедший.

— Возможно. — Он выпрямился, раскрасневшийся от мороза, и улыбнулся мне — той самой улыбкой, от которой у меня когда-то подкашивались колени. — Ты поможешь или будешь стоять и комментировать?

Я наклонилась, зачерпнула снег и запустила в него снежком. Он попал точно в грудь.

— Это что? — Он стряхнул снег с пальто.

— Это я помогаю.

— Ах так?

Следующий снежок полетел в меня. Я увернулась, зачерпнула ещё, и через минуту мы уже бегали по саду, как дети, кидаясь снегом, хохоча и забыв обо всём на свете. О контракте. О разводе. О журналистах, которые ждали нашего следующего шага. О боли, которая ещё вчера казалась вечной.

Даниил поймал меня за руку, когда я поскользнулась на заснеженной дорожке. Я упала бы, но он удержал — схватил за талию, притянул к себе, и мы замерли. Я — запрокинув голову, он — наклонившись надо мной. Его дыхание вырывалось облачками пара, смешивалось с моим. Снежинки падали на его ресницы.

— Попалась, — сказал он тихо.

— Отпусти.

— Не хочу.

— Это нарушение контракта.

— К чёрту контракт.

Я должна была оттолкнуть его. Должна была напомнить про пункт первый — никаких прикосновений без разрешения. Но я стояла, замерев, и чувствовала его руки на своей талии, и понимала, что не хочу, чтобы он отпускал. Вообще никогда не хочу.

— Ты не играешь? — спросила я шёпотом.

— Нет.

— Докажи.

И он доказал.

Поцелуй был осторожным — почти робким. Словно он пробовал ледяную воду, не зная, обожжётся или нет. Его губы были холодными снаружи и тёплыми внутри, и они пахли какао, и снегом, и чем-то ещё — чем-то, что я так долго пыталась забыть. Я ответила. Не сразу — через секунду, через вечность, через всю ту боль, что копилась во мне этот месяц. Но ответила. Мои руки, до этого прижатые к его груди, расслабились, скользнули вверх, обвили его шею. Варежки упали в снег. Я запустила пальцы в его мокрые от снега волосы и притянула ближе.

Мы стояли посреди заснеженного сада, целовались, как подростки, и снег всё шёл и шёл, заметая наши следы, наши обиды, наши слова, которые уже ничего не значили.

Когда мы наконец оторвались друг от друга, оба тяжело дышали. Его лоб снова прижался к моему, как тогда, в «Астории». Только теперь вокруг не было журналистов. Только снег и тишина.

— А как же условия? — спросила я, всё ещё не размыкая рук.

— Я нарушил их все. — Он улыбнулся. — Уволь меня.

— Не могу. Ты мой единственный подозреваемый в этом деле.

— В каком деле?

— В деле о разрушении моей обороны.

Он засмеялся. Настоящим, открытым смехом, который я слышала, наверное, всего пару раз за три года брака. И от этого смеха у меня внутри всё перевернулось.

— Пойдём в дом, — сказал он. — Ты замёрзнешь.

— А снеговик? Ты обещал снеговика.

— Будет тебе снеговик.

И мы долепили его. Кривобокого, с носом из еловой шишки и глазами из камешков, найденных под снегом. Я отдала ему свою варежку для шапки, и он стоял посреди сада — нелепый, смешной, прекрасный. Первый снеговик в нашей жизни.

Даниил снял нас на телефон — я обнимаю снеговика, снег на моих волосах, улыбка на губах.

— Зачем? — спросила я.

— Для себя. Хочу помнить этот день.

Мы вернулись в дом, мокрые и счастливые. Он снова разжёг камин, принёс плоды, сделал ещё какао, и мы сидели на диване, завернувшись в один плед на двоих, и смотрели, как за окном падает снег. Мой фолиант лежал на журнальном столике, открытый на той самой странице.

— «Lux in tenebris lucet», — прочитал Даниил. — Что это значит?

— «Свет во тьме светит». Это реставрированная страница. Самая первая, которую я восстанавливала.

— Красиво. И как ты это делаешь? Реставрируешь книги?

— Раствором папаина. — Я улыбнулась, видя его непонимающий взгляд. — Это фермент, который размягчает обугленный слой. Я снимаю его слой за слоем, и под ним проступают буквы. Иногда книга так обгорает, что кажется безнадежной. Но если работать осторожно, текст можно спасти.

— Как наша история.

Я посмотрела на него. Он смотрел на меня. И в его глазах было столько всего — столько невысказанного, столько обещаний, — что у меня перехватило дыхание.

— Ты всё ещё ненавидишь меня? — спросил он тихо.

— Нет. Уже нет.

— А что чувствуешь?

Я помолчала. Снег падал. Огонь трещал. Плед грел нас обоих. И где-то глубоко внутри меня, под слоями боли и гнева, которые я так долго копила, проступали буквы. Те самые. Которые я боялась прочитать.

— Я всё ещё люблю тебя, — сказала я, сама не веря, что произношу это вслух. — И это меня бесит.

Он улыбнулся. Не победно. Не самодовольно. А так, словно ему только что вр

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.